

Мрак правда - 1992 - 4авг. - с. 6

КОНСЕРВАТОР ПО ИМЕНИ ВЛАД

Листьевский номер телефона мне приходилось в течение недели набирать столь часто, что вскоре комбинацию из семи цифр я заучил на память.

Автоответчик знакомым по телерадиотелевизионным передачам Владом с неизменной учтивостью извещал, что, к сожалению, хозяев сейчас нет дома, но вы можете оставить сообщение на ленте, и вам обязательно перезвонят. Последняя фраза, несмотря на убедительность тона, почему-то все же вызвала сомнение: как же, станешь занятием Влад звонить всякому. Поэтому с упорством, достойным лучшего применения, я накручивал телефонный диск, надеясь прорвать защиту автосекретаря и услышать на другом конце провода голос живого Влада.

Однако техника терпеливей человека, я вынужден был признать свое поражение и позорно капитулировать, доверив текст, который берег для Листьева, беспрепятственному автоответу. И тут я был поражен вторично. Скепсис оказался напрасным, и вопреки моим опасениям Влад позвонил мне уже на следующее утро. Пяти минут хватило, чтобы условиться о времени и месте встречи. Стоило ли тратить столько усилий на преодоление собственноручно созданных препятствий? Впрочем, это мои личные трудности, ни к Листьеву, ни к вам, читатели, отношения не имеющие...

В оговоренный час я зашел в 36-й кабинет, расположенный на 11-м этаже в "Останкине". В комнате находилось человек 15, которые курили, пили кофе и чай, смотрели телевизор, говорили по телефону и между собой. В этом бедламе Влада, сидящего в дальнем углу за столом у окна, я заметил не сразу. Листьев был неожиданно для привыкших видеть его аккуратную прическу всклокочен, с суетливой щетиной на щеках, одет в по-демократически пеструю маечку и джинсы. После приветствия взглянул на часы и сказал: "У нас ровно 60 минут".

— Что ж, тогда без раскачки. Кто подсаживает вас тему "Темы"?

— Ее замысел появился органично. Я прошел колоссальную школу "Взгляда", участвовал в ток-шоу, у меня был полугодовой психологический опыт ведущего "Поля чудес".

— А ваши оппоненты говорят, что вы занимаетесь простите, плагиатом.

— Какие оппоненты? Те, кто профессионально критикует телевидение? Это не оппоненты. Их работа заключается в том, чтобы разбирать мою работу. Я, честно скажу, не очень слежу, что обо мне пишут, ибо все понимаю, мы — один цех, где у каждого свои задачи, свои методы.

А что до формы... Жанр интервью придумали ведь не вы, но вы пользуетесь. О жанре ток-шоу мы узнали от Донахью, но эта форма существовала и до него, существует и сейчас параллельно с Донахью. О чем это говорит? Только о бедности знаний нашего зрителя о западном телевидении.

— О жанре — не спорю, но ведь специалисты утверждают, что план ваших "Тем" почти полностью соответствует тематическому плану Фила Донахью.

— Ха, смешно! Мы затрагиваем общечеловеческие вопросы, не политику и даже не то, почему один известный политик спит с другим известным политиком, а глобальные проблемы, которые не имеют границ. Тематический план составляли 15 человек, неужто все 25 программ, запланированные на первое полугодие, мы сдували у Фила?

— Полагаю, вы не можете пожаловаться, что передачу плохо раскручивают? Ежедневный эфир, стабильное время в сетке вещания.

— Знаете, это стоило немалых сил. Нас кидали, давали выход то в 18 часов, то в 23.15. А зритель должен знать, что его передача неизменно идет в один и тот же час. К сожалению, механика на телевидении осталась старой: мало просто сделать качественную продукцию, это надо еще доказать.

— Расшифруйте, что вы имеете в виду?

— Эфирное время по-прежнему за бывшими главными редакциями, теперешними студиями. И никого не волнует, что у коллег есть лучшая, более интересная передача, ставят свою. Не буду называть, чтобы не обидеть.

— Можно и обидеть.

— Например, 21.40. Запланирована ерунда. Говорю: отдайте время мне, показываю зрительскую почту, отклики. А мне в ответ да, "Тема" — передача хорошая, но там же по сетке стоит другая. А люди-то ее не смотрят! Выкатывают мне аргументы, что зато обязательство между студиями будут выполнены.

У нас до сих пор нет еще толковой системы определения популярности программ, нет системы приоритетов, зато есть обязательство, которыми связаны руководители

— Но вы обращаетесь обычно к подсадкам из зала?

— Нет, я не знаю людей, которым задаю вопросы. Это держит меня в тонусе. Создает непредсказуемость ситуации, хотя и несет элемент риска. Подсадка никогда не сыграет в искренность, с другой стороны, живет опасение: вдруг не удастся завести.

— Сколько времени длится подготовка программ?

— Около месяца. Обговариваем сюжеты, ищем консультантов, читаем почту. Снимаем в течение одного дня. Эфир — через две недели после записи. К великому сожалению, пропала очень интересная передача о мошенниках. Мы даже ее анонсировали, а потом пришлось извиняться.

Привели в студию из "Матросской тишины" подследственного по делу о мошенничестве. У него уже были сроки по этой статье. За один день мы его достали, спасибо МВД России. Подследственного привезли прямо в наручниках под караулом. Его оппонентом был следователь, ведущий дела о мошенничестве. Программа была потрясающей, клиент "Матросской тишины" рассказывал о меха-

— Но мне кажется, вы можете уйти из "Темы" и по другим причинам. Программа достигнет зенита, и вы потеряете к ней интерес. Так было и со "Взглядом", и с "Полями чудес", которые вы оставляли добровольно.

— Положим, "Взгляд" первыми покинули скандально ушедший Мукусов и тихо отошедший Захаров. Я продолжал работать во "Взгляде" до самого его закрытия. И даже участвовал в подготовке "Взгляда из подполья", хотя и не очень активно. Но во втором выпуске все же записался. Так что дело не в моей ветрености или смене интересов.

...Разговор на минуту прервался. Влад взглянул на часы, включил телевизор и пояснил: "По "Орбите" на Дальний Восток пошла "Тема". Окинув критическим взором собственное изображение в строгом костюме и белоснежной рубашке с галстуком, Листьев, кажется, остался доволен собой и вернулся к беседе.

— Вы сами себе нравитесь на экране?

— Без кокетства скажу, что я редко себе нравлюсь. Когда нас впервые записывали на пробу для "Взгляда", при виде своей физиономии меня охватило чувство ужаса. Оно и сейчас меня не оставляет.

— Ой, скромничаете.

— Серьезно говорю. Впервые я ужаснулся от себя, услышав собственный голос на магнитофонной пленке на радиовещании на зарубежные страны. Тоже кошмар, ужасно не понравилось. До сих пор это ощущение не пропадает. И это нормально. Когда человек начинает любоваться самим собой, сразу возникает вопрос, не заболел ли он. Нарциссизм называется эта болезнь. Но я ею отнюдь не страдаю. Во всяком случае, я совершенно спокойно расстаюсь при монтаже с какими-то нещамми, если люди говорят, что это плохо, пусть мне и кажется, что это нормально. Я не комплекую из-за того, что меня вдруг будет мало в передаче, мало моих крупных планов. Я исхожу из интересов дела.

— Вы уже сказали, что устаете от этого непрерывного производственного конвейера — подготовка передачи, запись, монтаж, эфир. Но у меня иногда создается впечатление, что вы, бывает, устаете от постоянного общения с десятками новых людей. Порой в ваших жестках, фразах проскальзывают раздражение, злость на некоторых особенно заторможенных собеседников. Порой вы позволяете себе пошлячиться, и не всегда по-доброму.

— Нет, вы знаете... Почему вам так кажется? Не может быть ровной передача — ни по эмоциям, ни по ведению. Нельзя быть всегда добрым, веселым, всецело необходимым, по сию секунду — от отрицательных чувств к положительным. Иначе драматургия нарушается. Да, приходится быть и жестким, напористым, иногда с подковыркой подходить, но чаще по-доброму улыбаться и спокойно разговаривать с человеком.

Но все это, повторю, не от переизбытка общения, а от того, что диктует конкретная ситуация. Нельзя быть ровным, это неинтересно.

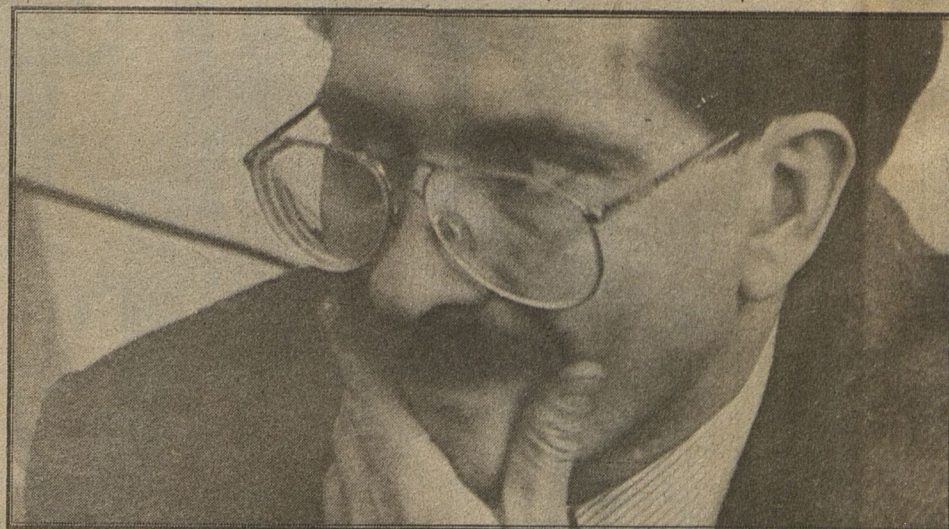
От людей же в принципе, по-моему, устать нельзя. Мне везет на собеседников, зануды попадаются крайне редко. Бывает, правда, косяком пойдут, не знаешь, как бы отбиться побыстрее...

Влад как бы невзначай, но так, чтобы я заметил, посмотрел на часы. Мое время истекло. Я выключил диктофон, мы вежливо попрощались. Листьев тут же стал отдавать распоряжения коллегам и подчиненным — вечером предстояла запись очередного выпуска "Темы".

А я шел по коридору "Останкина" и думал: интересно, последняя фраза Влада была адресована персонально мне?

Андрей ВАНДЕНКО.

Фото Алексея АЗАРОВА.

жду собой, есть достаточно безалаберное отношение к эфиру, забываемому Бог знает чем.

— Вас кто-то патронирует из руководства "Останкина"?

— Нет, все надо пробивать самому. Даже симпатии Егора Яковлева не помогут, если эфирная сетка забита. Сейчас уже проще. Мы включены в план, нам бронируется время. А сначала приходилось спорить, доказывать. Но это естественно. Любая творческая организация — террариум единомышленников.

— Как происходит поиск собеседника, которого вы приглашаете в студию?

— Это самый сложный процесс. Людям иногда приходится говорить на очень интимные темы (взять, к примеру, супружеские измены), а наш народ ужасно закомплексован. Американец, да и то не каждый, станет откровенничать, что уж о нас? Приходится беседовать предварительно, смотреть, насколько человек контактен, открыт, как владеет речью. К сожалению, выбор бывает не всегда удачным. Особенно трудно приходилось вначале. Сейчас люди смотрят передачу и примерно знают, какой степени откровенности от них ждут. Модель поведения уже задана.

— Людей в студию специально подбирают?

— В основном случайно. Хотя есть и приглашенные специалисты.

нике своих преступлений, о том, кого легче обманывать — мужчин, женщин, как обращаться с новоявленными отечественными коммерсантами, на каких струнах играть. Люди в студии неожиданно стали признаваться, как они обманывали других. Я совершенно обалдел, началась такая, знаете, всеобщая явка с повинной. Записали два часа. Это должна была быть блестящая передача... Но рулон со всеми записями украли. Украли из видеотеки, куда имеют доступ только свои, только работники телецентра. Все.

— Ваши предположения?

— Все что угодно. Может, специально. Может, случайно. Когда-то и рулоны "Взгляда" пропадали. Но чтобы всю передачу — такое впервые на памяти. Это, конечно, трагедия. Все мы были в шоке. Второй раз такого не запишешь. Все ушло. Другой герой, другая аудитория, другое настроение.

— По-вашему, "Тема" — это надолго?

— Боюсь загадывать, но думаю, года на три точно. Это неисчерпаемый колодец. Хотя мне кажется, что через три года я просто умру. От физического истощения. Ежедневный эфир — это мрак. С "Полями чудес" и то было легче. Там снимаются три выпуска за один день. А здесь... Я не знаю, что будет со мной, что будет с группой. Это мельница, которая перемалывает все.